

НАШ БЕДНЫЙ И БЕЗУМНЫЙ БРАТ

175 лет назад жизнь и люди свели с ума
русского поэта Константина Батюшкова

Батюшков родился в год, когда Россия не знала, что ей делать с Крымом. Екатерина II объезжала полуостров и думала, стоит ли объявлять войну туркам. В сентябре решилась, но эта война, к счастью, еще не коснулась Кости Батюшкова. Он родился в самом мирном углу империи — в Вологде. В северных усадьбах, Даниловском и Хантоново, прошли его лучшие дни. За зелеными гарусными занавесками под образом Спасителя, сперва в небогатом дедовском, потом в материнском, и вовсе бедном, доме. «Отецские боги! Да к хижине моей не сыщется вовек дороги богатство с суетой...»

Не век, а больше двух столетий уже миновало, но ни суеты, ни богатства здесь по-прежнему не сыщешь. Бедные места. Время и люди стерли с лица земли царей и родовое кладбище Батюшковых, но уцелел дом — семь окон по фасаду. Уцелел снег. Совсем такой же, как при Батюшкове.

«Пожалей обо мне. Я в снегах...», — писал поэт другу.

Когда в 1814 году Батюшков вместе с русской армией попал в Париж, его обступили любопытные и бесстрашные парижане и принялись разглядывать: «Какие у него белые волосы!», «От снега», — сказал какой-то старик, пожимая плечами. Батюшков поспешил взобраться обратно на лошадь и поспешил догонять товарищей...

Было ему в том году двадцать семь, кончалась его третья война //!. Позади была разрушенная Москва: утраты друзей, походные биваки и госпитали. Три раза он обошел с боями почти всю Европу — от Финляндии до Франции, а вернувшись трижды

фронтовиком в Россию, имел в награду лишь бедность, бездомность и репутацию «беспечного баловня».

Себя он ценил мало, с детской открытостью подставляя то под пули, то под злые шутки и критику.

Пренебрегал архивом, легко терял написанное, и до нас дошла едва ли половина того, что он создал. Гений его, улынувшись современникам, кажется, растаял, не долетев до потомков.

В школьных учебниках о нем скупо, мимоходом: «подготовил появление Пушкина», «повлиял на крупнейших русских поэтов», «тяжелая психическая болезнь рано прервала...»

«Какая скука!» — сказал бы Батюшков и улыбнулся бы своей грустно-виноватой улыбкой.

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым...

Батюшков не отвечал за свою славу, издание своих стихов, он отвечал лишь за свое сердце. Об этом у него везде и всегда, с ранних стихов и писем — до записок последних сознательных дней. Он пестовал свое сердце, свою душу, как пестуют маленького ребенка заботливые родители. А детей своих у него не было. И скорее всего тоже — по соображениям высокой души и доброго сердца. Он всегда помнил о своей тяжелой наследственности по материнской линии. Психические заболевания были проклятием вырождавшихся старинных дворянских родов.

А любил Батюшков воспитанницу семьи Олениных Анну Фурман, прелестную девушку, которая «пленила многих, сама того не подозревая». Батюшков любил Анну трогательно и преданно, все ждали, что, вернувшись из заграничного похода, они поженятся. Но свадьбы не состоялось. Анна и Константин решили свою судьбу, проотивившись навсегда.

«Я не стою ее, — читаем мы в одном из его писем, — не могу сделать ее счастливою с моим характером и с маленьким состоянием... Видеть, что все милое и драгоценное сердцу страдает, это — жестокое мучение...»

В 1821 году, когда Батюшкова оставил разум и он бесповоротно заболел, Анна вышла замуж за остзейского негодянина. Сын ее стал впоследствии преуспевающим чиновником, покровителем литераторов и статс-секретарем императрицы. Батюшков был бы рад за Анну...

«Быть виновником бытия не есть достоинство перед богом и людьми, но принять младенца из рук матери в

минуту его рождения, от колыбели до зрелости служить ему защитой и опорой, передать ему в наследие имя, звание, сокровища, землю... вот обязанность отца. Благодарность есть обязанность детей...» /К. Батюшков. Из «Опытов в прозе»./

В одном из своих трактатов Батюшков обрушился на «Исповедь» Руссо по причине, и тогда казавшейся многим странной и незначительной. Впрочем, послушаем самого Батюш-

«... В камине пылают два дубовые корня и приглашают меня к огню. На столе лежат письма Вольтеровы... В них все напоминает о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земли с своими страстями... К чему столько шуму, столько беспокойства? К чему эта жажда славы и почестей? — спрашиваю себя и страшусь найти ответ...»

кова: «Какое право имел он поведать миру о слабостях женщины, которой дружба, столь нежное, уладило юность... мечтателя? Так! Человек... учинил страшное преступление, неслыханное доселе, и это преступление родила мудрость человеческая... Боже мой!».

Батюшков был джентльменом и в петербургском салоне, и в своей деревне, и наедине с великими — даже им он не прощал женских обид.

Я с именем твоим летел
под знамя брани
Искать иль славы, иль конца.
В минуты страшные чистейши
сердца дани
Тебе я приносил
на Марсовых полях...

Батюшков был прекрасно знаком с современной ему европейской философией, но последовательно отвергал и сенсуалистов, и стоиков, и гедонистов, и просветителей, и немецких идеалистов. Попав во время последнего заграничного похода на постой в древний замок, где в свое время жил Вольтер, Батюшков размышлял, стоя у окна: «Ветер шумит в кедровой роще... и клубит сухие листья вокруг цветников, истоптанных лошаадьми... В замке, напротив того, тишина глубокая. В камине пылают два дубовых корня и приглашают меня к огню. На столе лежат письма Вольтеровы... В них все напоминает о временах прошедших, о людях, которые все исчезли с лица земного с своими страстями... К чему столько шуму, столько

беспокойства? К чему эта жажда славы и почестей? — спрашиваю себя и страшусь найти ответ...».

Как странно, что два века спустя мы с теми же вопросами наедине и, заглянув в томик полузабытого поэта, мы узнаем вдруг брата по терзаниям ума и сердца.

«...Весь запас остроумия, все доводы ума, логики... истощены перед нами, мы видели зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали... Мы взирали с ужасом на плоды нечестивого вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных трупов... на Москву, дымящуюся в развалинах своих...».

Никто не ведал и не ведал, какие пути русской поэзии закрылись навсегда вместе с творческой гибелью Батюшкова — неисповедимы эти пути. После тридцати четырех лет Батюшков исчез для читателей и литературы. В двадцатые годы в письмах друзей о нем упоминают — «наш Страдалец», без имени.

К чести его родных и друзей, лечение безнадежного в своей болезни Батюшкова много лет было почти общественной задачей. Лучшие люди России пытались участвовать в спасении русского Петрарки — так его называл Пушкин. Жуковский. Вяземский, Гнедич, семья Хитрово, Муравьевых-Апостолов, Карамзиных... Они сделали для Батюшкова все, что могли.

Батюшков лечился на кавказских

водах. В 1824 году сестра увозит его в психиатрическую лечебницу в Зоненштейне. К тому времени Батюшков уже сжег все написанное им в Италии, сжег свою уникальную библиотеку и трижды покушался на самоубийство.

Всей своей судьбой Батюшков будто взялся предсказать судьбу русской поэзии. Все-все в нем... Еще прежде Пушкина чиновный сюрик душил именно Батюшкова, прежде Грибоедова он пытался объяснить человечеству, что горе его от ума. Прежде Гоголя он жег свои рукописи, прежде Баратынского попал в Неаполь поправлять здоровье, а заболел жесточайшей ностальгией. Прежде Льва Толстого он говорил правду о войне и рвался в монастырь — на Белоозеро...

Помните, Янковский в «Ностальгии» со свечечкой трепетной идет, прикрывая ее и молясь? Это ведь тоже Батюшков, брат наш, больной и безумный...

В журналах тридцатых годов о нем писали как о гении, но... в прошедшем времени. Публика была убеждена, что он давно умер. Батюшков как бы застал свою посмертную славу.

По словам доктора Антона Дитриха, Батюшков не переносил вопроса о времени. «Что такое часы? — обыкновенно спрашивал он и при этом прибавлял: — Вечность!»

Я смотрел в окно комнаты, где провел свои последние годы бедный поэт. Вид все тот же, что и при Батюшкове. Полтора столетия миновали, но не оставили следов. Улочка, уходящая к реке, купола вдали. Снег идет, утешая...

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые...

Дмитрий ШЕВАРОВ.

